

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля.

XX¹⁾.

Присяжные засѣдатели.

Моя служебная дѣятельность въ должностяхъ товарища прокурора, прокурора, предсѣдателя окружного суда, оберъ-прокурора и сенатора уголовного кассационнаго департамента Сената дала мнѣ возможность въ теченіе тридцати лѣтъ имѣть дѣло съ судомъ присяжныхъ. Являясь то стороною— обвинителемъ, то руководителемъ судебного засѣданія, то, наконецъ, изслѣдователемъ и цѣнителемъ, съ кассационной точки зрѣнія, условій, въ коихъ постановлено рѣшеніе присяжныхъ, при чемъ, конечно, приходилось знакомиться и съ обстоятельствами подлежавшаго ихъ рѣшенію дѣла по существу, я имѣлъ неоднократно случай провѣрить справедливость столь частыхъ у насъ нападокъ на эту форму суда. Последнія раздавались не только въ печати и въ обществѣ, но свивали себѣ по временамъ гнѣздо въ официальныхъ кругахъ и въ нѣдрахъ правительственныхъ учреждений. Не разъ предпринимался у насъ походъ противъ суда присяжныхъ, и дальнѣйшее его существованіе покупалось цѣною значительнаго умаленія пространства и объема его дѣйствія. Особенно опасными для него были, такъ называемыя, „громкія дѣла“, т.-е. такія, которыя по личности потерпѣвшихъ или подсудимыхъ, по важности преступленія или выдающейся его обстановкѣ привлекали къ себѣ вниманіе публики. Когда по такимъ дѣламъ, въ особенности въ столицахъ, приговоръ присяжныхъ шелъ въ разрѣзъ съ предвзятымъ ожиданіемъ большинства, въ печати и обществѣ, за отсутствіемъ серьез-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1907 — 1912 г.

ныхъ политическихъ интересовъ и вопросовъ, поднимался шумъ и гамъ, и суду присяжныхъ нерѣдко произносился рѣшительный приговоръ. Въ прессѣ появлялись статьи, подчасъ очень страстныя, начинавшіяся обыкновенно словами: „мы давно уже говорили“, и кончавшіяся своего рода „delenda Carthago“ и „quousque tandem“. Являлись добровольцы съ напускнымъ возмущеніемъ—иногда изъ среды самого судебного вѣдомства, а въ министерствѣ юстиціи начинали съ тревожнымъ упованіемъ взирать на кассационный судъ, смущенно думая въ то же время быть можетъ о неизбѣжномъ новомъ законодательномъ членовредительствѣ по отношенію къ провинившемуся учрежденію. Мнѣ памяты нѣсколько совѣщаній прокуроровъ судебныхъ палатъ, созданныхъ въ семидесятыхъ годахъ министромъ юстиціи для обсужденія размѣровъ искупительной жертвы въ виду реальной опасности, грозившей суду присяжныхъ. Эта почти постоянно висѣвшая надъ судомъ присяжныхъ опасность, то ослабѣвая, то усиливаясь, внушала нѣкоторымъ изъ насадителей его въ Россіи почти суевѣрный страхъ. Когда, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, я заявилъ юридическому обществу, что намѣреваюсь сдѣлать въ уголовномъ его отдѣленіи докладъ объ условіяхъ, тормозящихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣшное дѣйствіе суда присяжныхъ и требующихъ законодательнаго врачеванія, предсѣдатель общества, почтенный Н. И. Стояновскій, пріѣхалъ ко мнѣ уговаривать меня не дѣлать этого доклада, боясь, что всякое указаніе на эти условія будетъ по непониманію или коварству обращено на самое существо дорогого ему учрежденія.

Обращаясь къ личнымъ воспоминаніямъ о дѣятельности суда присяжныхъ и къ бѣглому обзору нападокъ на нее, я прежде всего долженъ замѣтить, что *охраненіе суда присяжныхъ и улучшеніе условій*, въ которыя была поставлена у насъ его дѣятельность, вовсе не соотвѣтствовали ни потребностямъ этого суда въ упроченіи, ни силѣ и опасному вліянію нападокъ на него. Все въ этомъ отношеніи ограничивалось палліативными мѣрами, не приносившими въ практическомъ своемъ осуществленіи осязательныхъ результатовъ, а каждое реальное и неоднократное предложеніе, вызванное дѣйствительными потребностями этого суда, въ цѣляхъ правосудной дѣятельности, принималось неохотно и надолго увязало въ канцелярской тинѣ петербургскаго бюрократическаго болота. Достаточно указать хотя бы на то, что для осуществленія такой насущной мѣры, какъ улучшеніе состава комиссій, изготовляющихъ общіе списки присяжныхъ, потребовался *тринадцатилѣтній* горестный опытъ.

Лишь на *двадцать восьмомъ* году существованія суда присяжныхъ обнародовано разумное ограниченіе права отвода присяжныхъ и устраненіе произнесенія присяги засѣдателей предъ каждымъ дѣломъ, обращавшаго ее въ пустую и скучную формальность, теряющую всякое значеніе отъ частаго ея повторенія. Въ петербургскомъ окружномъ судѣ въ мое время, въ семидесятихъ годахъ, четыре дня въ недѣлю дѣйствовали два отдѣленія съ присяжными, которымъ въ недѣлю приходилось разсматривать въ среднемъ около 32 дѣлъ, т.-е. выслушивать столько разъ присягу присяжныхъ и столько же разъ присягу свидѣтелей, такъ что священникъ, приглашенный судомъ, былъ вынужденъ, запыхавшись, спѣшить изъ одного отдѣленія въ другое и торопливо „барабанить“ присягу и увѣщаніе присягающимъ. Для того же, чтобы перестать держать представителей общественной совѣсти въ туманѣ невѣдѣнія о грозящемъ подсудимому наказаніи, потребовалось *сорокъ пять мѣтъ*. А, между тѣмъ, въ первыя же тринадцать лѣтъ были произведены существенныя и обширныя *сокращенія* подсудныхъ присяжнымъ засѣдателямъ дѣлъ, значительная часть которыхъ (по преступленіямъ должности) нынѣ и самимъ министерствомъ юстиціи признается нецѣлесообразной и нежелательной.

Выслушивая нападки на судъ присяжныхъ, прежде всего приходилось спросить себя: да тотъ ли это именно судъ присяжныхъ, который, въ разумномъ соблюденіи всесловности и одновременнаго участія представителей всѣхъ слоевъ общества, создали составители Судебныхъ Уставовъ? Предположенія законодателя о единеніи представителей различныхъ отраслей управленія въ дѣлѣ выработки общихъ списковъ присяжныхъ засѣдателей на практикѣ встрѣтились съ полнѣйшимъ разбродомъ этихъ представителей, благодаря чему судъ присяжныхъ, по отношенію къ своему личному составу, обратился въ житейскомъ осуществленіи вмѣсто тщательно оберегаемаго дѣтища въ обременительнаго для членовъ особыхъ комиссій подкидыша, судьбою котораго никто серьезно не заинтересованъ. Въ первыя пятнадцать лѣтъ существованія этого суда, установленныя закономъ временныя комиссіи дѣйствовали столь небрежно, что въ общіе списки присяжныхъ, вопреки точному указанію закона, заносились сумасшедшіе, умершіе, слѣпые и глухіе, состоящіе подъ судомъ, не знающіе русскаго языка, перешедшіе семидесятилѣтній возрастъ и т. п. И одновременно—въ цѣломъ рядѣ мѣстностей почти совсѣмъ не заносились въ списки представители помѣстнаго элемента и купеческаго сословія. А чиновники, внесен-

ные въ эти списки, являлись затѣмъ, понавъ въ списки очередные, къ началу судебныхъ засѣданій, вооруженные свидѣтельства начальства о фиктивныхъ въ сущности командировкахъ или внезапно оказавшихся особыхъ порученіяхъ. Тѣ же изъ неслужащихъ, которые все-таки попали, зачастую оказывались щедро снабженными свидѣтельствовали о болѣзни, не препятствовавшей имъ однако просиживать вечера и ночи за картами въ губернскихъ и уѣздныхъ клубахъ и возсѣдать въ креслахъ не суда, а театровъ. Когда была образована въ концѣ семидесятихъ годовъ при Сенатѣ комиссія объ устраненіи неудобствъ при составленіи списковъ присяжныхъ засѣдателей, мнѣ въ качествѣ члена ея, пришлось заявить, что даже по Петербургу, гдѣ списки составлялись съ болѣшимъ вниманіемъ, чѣмъ въ провинціи, въ теченіе года, съ 1878 по 1879 годъ, пришлось исключить изъ списковъ присланныхъ въ петербургскій Окружной Судъ 5 иностранцевъ,—12 человекъ старше 70 лѣтъ,—не проживающихъ въ Петербургѣ 106,—оказавшихся умершими за нѣсколько лѣтъ передъ занесеніемъ въ списки 23,—признанныхъ сумасшедшими 8,—не знающихъ русскаго языка 5,—слѣпыхъ 2,—глухихъ 8,—не имѣющихъ права быть присяжными засѣдателями 18,—и отбывшихъ въ предшествующемъ году свою обязанность—5. Въ провинціи, въ большинствѣ случаевъ, положеніе было еще хуже. Такъ, напримѣръ, въ тверскомъ судѣ въ спискахъ за 1874 годъ было найдено 14 человекъ умершихъ, изъ которыхъ одинъ скончался въ 1858 г., а другой въ 1859, т. е. задолго до введенія суда присяжныхъ. Оказалось также, что выборъ изъ общихъ въ очередные списки производился большею частью въ канцеляріяхъ земскихъ управъ или письмоводителями предводителей дворянства. Такимъ образомъ основу личному составу того суда, которому ввѣряются существенные интересы правосудія въ странѣ, клалъ вольнонаемный писецъ, легко доступный 'соблазнамъ въ видѣ запрашиванія и мелкихъ подачекъ. Слѣдствіемъ этого было то, что въ *очередные* списки присяжныхъ вносились преимущественно мѣщане и крестьяне, а въ списки *эпизодические*—чиновники и дворяне и притомъ преимущественно на третью четверть года, когда большинство судовъ, въ виду лѣтнихъ полевыхъ работъ, не дѣлаетъ выѣздныхъ сессій. Несмотря на нѣкоторыя улучшения, введенныя сенатскою комиссіей 1879 года, составъ присяжныхъ засѣдателей и понынѣ, благодаря зачастую небрежному, а иногда и слишкомъ любезному составленію списковъ, можетъ представлять довольно значительное собраніе людей, которымъ лишь не удалось по ихъ служебному положенію или по какимъ-либо другимъ при-

чинамъ избѣжать своего внесенія въ списокъ. Въ то время, когда крестьяне безропотно несутъ обязанности присяжнаго засѣдателя и по-своему стараются свято исполнять свой долгъ, лица высшихъ сословій и въ особенности чиновники и нынѣ спѣшатъ представлять въ судъ свидѣтельства о болѣзни (вѣроятно о пресловутой неврастеніи) или заявленія начальства о командировкахъ и особыхъ порученіяхъ. Въ этомъ отношеніи характерно, на примѣръ, то, что 16-го іюля истекшаго года 14 присяжныхъ изъ 33, явившихся въ петербургскій окружной судъ къ началу новой сессіи, ходатайствовали объ освобожденіи ихъ, представивъ 13 свидѣтельствъ начальства о командировкахъ и одно свидѣтельство о болѣзни. Хотя съ 1887 года, на основаніи статьи 82 Учр. Суд. Уст., изъ числа присяжныхъ засѣдателей устраняются лица, впавшія въ крайнюю бѣдность и находящіяся въ услуженіи въ качествѣ домашней прислуги, но до этого года двѣсти рублей валового дохода отъ промысла или жалованья, дававшіе право быть присяжнымъ засѣдателемъ, едва-ли представляли гарантію того, что судъ будетъ состоять изъ людей независимыхъ отъ ежедневной нужды и отъ тѣхъ страстей, которыя она можетъ породить, ибо человѣкъ, имѣющій 16 руб. 60 коп. въ мѣсяцъ, какъ единственный нормальный доходъ, несомнѣнно находится въ крайней бѣдности, а при нынѣшней дороговизнѣ даже 33 руб. 20 коп. ежемѣсячной получки ставятъ человѣка семейнаго въ очень трудное положеніе, хотя бы онъ и жилъ въ небольшомъ уѣздномъ городѣ.

Бѣдность крестьянъ, призываемыхъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ, и сопряженное съ нею трудное положеніе ихъ во время сессіи давно уже обратили на себя вниманіе и литературы (Златовратскій: „Крестьяне-присяжные“) и земствъ. Многія изъ послѣднихъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ стали выдавать крестьянамъ-присяжнымъ небольшое пособіе на время пребыванія ихъ въ городѣ. Но скрытые недоброжелатели суда присяжныхъ начали воишь о томъ, что исполненіе судейскихъ обязанностей обывателями не есть *повинность*, а дорогое *политическое право*, вознагражденіе за пользованіе которымъ извратило бы его существо. Къ сожалѣнію, первый департаментъ Сената въ 1872 году раздѣлилъ этотъ взглядъ бездушнаго формализма и воспретилъ земствамъ такія выдачи на томъ основаніи, что земство можетъ заботиться исключительно „о хозяйственныхъ пользахъ и нуждахъ губерніи“. при чемъ Сенатомъ было забыто, что на земствѣ лежатъ такія нехозяйственные траты, какъ расходы на народное образованіе и здоровье, и выдача содержанія

мировымъ судьямъ. И только теперь ввгядъ земствъ признается наконецъ—послѣ сорока лѣтъ матеріальной нужды большинства русскихъ присяжныхъ—правильнымъ, и внесенный министромъ юстиціи въ Государственную Думу законопроектъ о выдачѣ вознагражденія недостаточно обеспеченнымъ присяжнымъ засѣдателямъ принять Государственнымъ Совѣтомъ.

Припоминая рядъ оправдательныхъ рѣшеній присяжныхъ засѣдателей, которыми мнѣ пришлось заниматься, я нахожу между ними такія, которыя были съ неразборчивой поспѣшностью заклеяены названіемъ „возмутительныхъ“ и „вопіющихъ“. Да! были между ними рѣшенія, не удовлетворявшія строгой *юридической* логикѣ и *формальнымъ* опредѣленіямъ закона, были рѣшенія, съ которыми коронному судѣ трудно согласиться.—но не было такихъ, которыхъ нельзя бы понять и объяснить себѣ съ точки зрѣнія житейской. Вдумываясь въ соображенія присяжныхъ, а иногда выслушивая и ихъ заявленія, высказываемыя обыкновенно въ концѣ сессіи, приходится признать, что часто въ ихъ, повидимому, неправильнымъ рѣшеніи кроется дѣйствительная справедливость, внушаемая не холоднымъ разсужденіемъ ума, а голосомъ сердца. Не надо забывать, что, согласно закону, ихъ спрашиваютъ не о томъ, *совершилъ* ли подсудимый преступное дѣяніе, а *виновенъ* ли онъ (ст. 754 Уст. У. С.) въ томъ, что совершилъ его;—не фактъ, а внутренняя его сторона и личность подсудимаго, въ немъ выразившаяся, подлежатъ ихъ сужденію. Своимъ вопросомъ о виновности судъ устанавливаетъ особый промежутокъ между фактомъ и виною и требуетъ, чтобы присяжные, основываясь исключительно на „убѣжденіи своей совѣсти“ и памятуя свою великую нравственную отвѣтственность, наполнили этотъ промежутокъ соображеніями, въ силу которыхъ подсудимый оказывается человекомъ виновнымъ или невиновнымъ. Въ первомъ случаѣ своимъ приговоромъ присяжные признаютъ подсудимаго человекомъ, который могъ властно и твердо бороться съ возможностью преступленія и вырваться изъ-подъ ига причинъ и побужденій, приведшихъ его на скамью подсудимыхъ,—который имѣлъ для этого настолько же нравственной силы, насколько ея чувствуютъ въ себѣ сами присяжные. Надо замѣтить, что и до сихъ поръ знаніе, а тѣмъ болѣе пониманіе уголовнаго процесса очень многимъ изъ нашего общества совершенно чуждо. Читая съ жадностью газетные отчеты о сенсационныхъ процессахъ, едва ли кто-либо отдаетъ себѣ ясный отчетъ о смыслѣ и причинѣ тѣхъ или другихъ дѣйствій суда и о законныхъ условіяхъ, въ которыхъ они должны производиться. Послѣ

одного изъ громкихъ процессовъ, очень волновавшаго петербургское общество, мнѣ пришлось услышать, какъ одинъ сановникъ, занимавшій въ высокомъ учрежденіи руководящее положеніе, негодовалъ передъ свѣтской публикой, собравшейся въ гостинной, восклицая:— „а? какъ вамъ это нравится?—подсудимая созналась, а предсѣдатель ставитъ присяжнымъ вопросъ:— „виновна ли она?“ а? виновна ли?! вотъ до чего у насъ дошло!“ Даже и профессиональными юристами-практиками по временамъ проводился въ судѣ взглядъ, что защита не можетъ просить объ оправданіи сознавшагося подсудимаго. Понадобилось въ 1901 году всестороннее и глубокое по содержанію заключеніе обер-прокурора уголовного кассационнаго департамента И. Г. Щегловитова по дѣлу Семенова и согласное съ нимъ руководящее рѣшеніе Сената, чтобы разъ навсегда разъяснить, что „виновенъ“ и „совершилъ“—не синонимы. Къ этому надо добавить, что не только относительно виновности, но даже и относительно факта преступленія наши (да и большинство западно-европейскихъ) присяжные поставлены далеко не въ то удобное положеніе, въ которомъ находятся присяжные въ Шотландіи, гдѣ ихъ задача облегчается правомъ, но выбирая исключительно между двумя отвѣтами, избрать средній путь и сказать „не доказано (not proven)!“

Законъ открываетъ предъ присяжными широкій горизонтъ милосердія, давая имъ право признавать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія „по обстоятельствамъ дѣла“. Изъ всѣхъ „обстоятельствъ дѣла“ самое важное, безъ сомнѣнія, личность подсудимаго, съ его добрыми и дурными свойствами, съ его бѣдствіями, нравственными страданіями, испытаніями. Но гдѣ возникаетъ вопросъ о перенесенномъ страданіи, тамъ рядомъ съ нимъ является и вопросъ объ искупленіи вины. Зачерпнутые изъ глубины общественнаго моря и уходящіе снова, послѣ дѣла, въ эту глубину, ничего не ищущіе и, по большей части, остающіеся безвѣстными,—обязанные хранить тайну своихъ совѣщаній,—присяжные не имѣютъ соблазна рисоваться своимъ рѣшеніемъ и выставять себя защитниками той или другой теоріи. Осуждать ихъ за приговоръ, сомнѣваясь въ его справедливости, можетъ лишь тотъ, кто вмѣстѣ съ ними самъ изучилъ и изслѣдовалъ обстоятельства дѣла и передъ лицомъ подсудимаго, свобода и честь котораго зависятъ отъ одного его слова, вопрошалъ свою совѣсть и въ ней, а не въ голосъ страстнаго негодованія, нашелъ отвѣтъ, идущій въ разрѣзъ съ приговоромъ. Но такой человекъ, особливо если онъ долго занимался судеб-

ной практикой, знаетъ, что убѣжденіе въ виновности подсудимаго не зависитъ отъ его сознанія въ фактъ, вызываемаго иногда отчаяніемъ, расчетомъ, побужденіями великодушія относительно дѣйствительно виновныхъ и т. п., а нарастаетъ постепенно изъ ряда обстоятельствъ, обнаруживаемыхъ при разбирательствѣ дѣла. Изъ нихъ, нерѣдко трудно со стороны уловимое, образуется имѣющее рѣшающее значеніе впечатлѣніе. Опытные судебные дѣятели, конечно, не разъ замѣчали, какъ какая-нибудь характерная черта въ личности потерпѣвшаго или подсудимаго, иногда какая-нибудь его фраза, возгласъ, замѣшательство, открывающіе внезапно внутреннюю сущность человѣка, свойство его дѣятельности и житейскаго поведенія—сразу пріобрѣтаютъ огромное значеніе по произведенному ими впечатлѣнію и властно склоняютъ мысль присяжныхъ къ обвиненію или оправданію. Въ моихъ „воспоминаніяхъ и замѣткахъ судебного дѣятеля“, напечатанныхъ на страницахъ „Русской Старины“ съ 1907 года и собранныхъ затѣмъ въ книгѣ „На жизненномъ пути“, приведенъ рядъ такихъ примѣровъ. Не стану ихъ повторять здѣсь, но скажу, что то, что строится и разрабатывается въ судебномъ засѣданіи, напоминаетъ собою струю фонтана: поднимаясь все выше и выше, она, наконецъ, переламывается и спадаетъ въ одну сторону—и эта сторона обуславливается почти незамѣтными, но однако очень вліятельными причинами.

Поэтому кричатъ противъ рѣшенія присяжныхъ, не прослѣдивъ за всѣмъ процессомъ въ засѣданіи, по меньшей мѣрѣ слишкомъ поспѣшно. Публика судитъ о подсудимомъ и его дѣяніи по газетнымъ отчетамъ. Но они или отличаются краткимъ сообщеніемъ о выдающемся дѣлѣ подъ громкимъ заголовкомъ „ужасная драма“, „кровавая расправа“, „дерзкій подлогъ“, „семейная трагедія“, „жертва довѣрія“ и т. п. или представляютъ отчетъ односторонній, подчасъ партійный, при чемъ показанія свидѣтелей, излагаясь репортеромъ своими словами и сопровождаясь его собственными выводами и замѣчаніями, смотря по его личнымъ вкусамъ и задачамъ, то сокращаются, то излагаются съ преднамѣренной подробностью. Но между авторомъ такого отчета, въ его торопливой и подчасъ лихорадочной работѣ, ни къ чему при томъ не обязывающей и въ лучшемъ случаѣ представляющей въ своемъ конечномъ выводѣ лишь мнѣніе газетнаго труженника,—и работой совѣсти присяжныхъ, отъ которыхъ требуется не мнѣніе, не „взглядъ и нѣчто“, а приговоръ, чреватый послѣдствіями—большая разница... Даже и стенографическіе отчеты далеко не всегда даютъ вѣрную внѣшнюю картину того, что происходитъ

на судѣ. Не всегда стенографы успѣваютъ въ точности уловить быстро текущее слово или отдать себѣ правильный отчетъ о смыслѣ сказаннаго, произвольно соединяя отдѣльные мѣста, среди которыхъ ими былъ сдѣланъ пропускъ. Не могу не вспомнить о стенографисткѣ официальной газеты, которая передавала въ своемъ напечатанномъ отчетѣ мою обвинительную рѣчь по дѣлу объ умерщвленіи Филиппа Штрама. Она пропустила слова: „кругомъ все такъ вопіеть объ убійствѣ, что подсудимому только и осталось сознаться, но если бы этого признанія и не было, то предъ нами цѣлый рядъ уликъ, доказывающихъ и помимо этого признанія совершеніе преступленія подсудимымъ, а именно и т. д.“, и передала это мѣсто рѣчи такъ: „кругомъ все такъ и вопіеть, что тутъ убійство, но это, *впрочемъ, ничею*, а именно“... Вотъ почему ни на отчетахъ, ни тѣмъ болѣе на разсказахъ и сужденіяхъ по поводу происходившаго на судѣ нельзя основывать правильной критики рѣшенія присяжныхъ. Тутъ обыкновенно рисуется рѣзко намалеванная декорація, но въ судебномъ засѣданіи развертывается картина, нѣкоторыя части которой написаны красками жизни съ точностью и подробностью миниатюры или сложены, подобно мозаикѣ, изъ отдѣльныхъ кусочковъ, въ которые судьямъ пришлось пристально всматриваться, переживая въ душѣ ихъ мѣсто и значеніе въ слагающемся цѣломъ.

Дѣла, по которымъ раздаются нареканія на присяжныхъ засѣдателей, распадаются въ сущности на двѣ категоріи: на дѣла, по характеру и свойствамъ преступленія не привлекающія особаго общественнаго вниманія, въ которыхъ присяжнымъ, изрекшимъ оправданіе, ставится въ упрекъ признаніе невинности, несмотря на собственное сознаніе подсудимаго,—и на дѣла, въ которыхъ оправданіе идетъ въ разрѣзъ съ надеждами услышать приговоръ обвинительный. По дѣламъ *первой категоріи* могущественнымъ толчкомъ къ оправданію служитъ очень часто долгое предварительное заключеніе обвиняемаго. При неявкѣ какого-либо существеннаго свидѣтеля дѣло, назначенное къ слушанію, вновь откладывается на нѣсколько мѣсяцевъ (бывали дѣла, въ которыхъ неоднократныя отсрочки вызывали пятнадцать лишнихъ мѣсяцевъ заключенія подсудимаго подъ стражей), и въ концѣ концовъ предъ присяжными на скамьѣ подсудимыхъ находится человекъ, виновность котораго въ ихъ глазахъ несомнѣнна, но такъ же несомнѣнно и то, что онъ уже понесъ наказаніе, иногда даже и свыше того, которое было бы ему назначено судомъ по закону. Вся разница въ томъ, что онъ подвергся этой карѣ не по приговору суда, а по постановленію слѣдователя, дѣйствующаго

иногда подъ вліяніемъ предвзятаго взгляда на заподозрѣнное имъ и привлеченное, въ качествѣ обвиняемаго, лицо. Къ сожалѣнію, при начертаніи Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, была сохранена сословная подсудность, и цѣна похищеннаго лицами непривилегированными опредѣлена слишкомъ низко. Вслѣдствіе этого множество дѣлъ, разборъ которыхъ въ мировыхъ и временно замѣнявшихъ ихъ учрежденіяхъ занялъ бы двѣ-три недѣли, поступаетъ къ судебному слѣдователю и тянется у него, въ обвинительной камерѣ, и въ судѣ многіе мѣсяцы, которые обвиняемый проводитъ въ предварительномъ заключеніи. При томъ, въ виду организаціи нашего тюремнаго дѣла, самый порядокъ отбытія заключенія по распоряженію слѣдователя и по приговору суда не представляетъ особой разницы въ обоихъ случаяхъ. Присяжнымъ трудно отрѣшиться отъ мысли о послѣдствіяхъ своего рѣшенія, и въ то же время имъ извѣстны какъ сомнительныя исправительныя свойства русскаго тюремнаго заключенія, такъ и несомнѣнный вредъ, приносимый людямъ, преступившимъ законъ, но еще не испорченнымъ окончательно, пребываніемъ въ этой школѣ взаимнаго обученія праздности, разврату, насилію и ненависти къ общественному порядку. Предъ ними проходятъ поодиночкѣ и въ группахъ рецидивисты, за которыми числится обширная судимость и отбытіе наказанія въ среднемъ отъ пяти до десяти разъ. Сознаніе бесплодности тюремнаго заключенія въ связи съ продолжительностью предварительнаго ареста давно уже заставляетъ присяжныхъ при окончаніи своихъ сессій высказывать настойчивое, но покуда тщетное желаніе, чтобы было, наконецъ, обращено вниманіе на сокращеніе предварительнаго заключенія обвиняемаго и на устройство работныхъ домовъ, въ которыхъ праздность замѣнялась бы принудительнымъ трудомъ. Въ отношеніи работныхъ домовъ ихъ пожеланія сходятся съ таковыми же со стороны высшей полицейской власти въ Петербургѣ и всѣхъ тѣхъ, кого справедливо пугаетъ все возрастающее хулиганство. Но ни въ чемъ скарденность нашего бюджета по отношенію къ настоятельнымъ нуждамъ страны, тотъ параличъ законодательства, которымъ мы страдаемъ, и велерѣчивая бездѣтельность нѣкоторыхъ крупныхъ городскихъ самоуправленій не сказываются съ такой рѣзкостью, какъ именно въ этомъ вопросѣ.

Присяжные засѣдатели—люди жизни, а не рутинны. Ихъ нельзя считать представителями того, что Гёте въ „Фаустѣ“ называетъ „die richtende gefühllose Menschheit“. Поэтому отъ

нихъ нельзя и требовать, чтобы они замкнулись въ сухія юридическія схемы тамъ, гдѣ жизнь выдвигаетъ передъ ними вопіющія картины своихъ противорѣчій. Несомнѣнно, напри- мѣръ, что семнадцатилѣтній юноша, тщетно ищущій и не на- ходящій себѣ какой-либо работы, застигнутый на лѣстницѣ у шкафа съ провизіей съ отбитымъ имъ замкомъ,—или юный „бомбистъ“, исключенный за невзносъ платы изъ училища и упавшій въ обморокъ отъ истощенія и голода въ домѣ, куда онъ пришелъ грозить сверткомъ газетной бумаги, утвер- ждая, что это бомба,—или безработный чернорабочій, похи- тившій съ желѣзнодорожной платформы пять полѣньевъ дровъ стоимостью въ двадцать пять копѣекъ, съ цѣлью согрѣть голодающую и холодающую семью изъ жены и трехъ дѣтей,— или мелкій торговецъ, нанесшій тяжкія раны женѣ и во- семнадцатилѣтнему сыну, заставши ихъ *in flagranti*,—или, наконецъ, мѣщанка, состоявшая въ кровосмѣсительной связи съ тринадцати лѣтъ съ растлившимъ и истязавшимъ ее отцомъ— всѣ эти и многіе подобные имъ, судившіеся въ петербургскомъ окружномъ судѣ въ послѣднее время и отбывшіе съ избыткомъ свое тюремное заключеніе при слѣдствіи, со строго юридической точки зрѣнія подлежали опредѣленному въ Уложеніи наказанію. Но на присяжныхъ, вѣроятно, подѣйствовало представленіе о душевной драмѣ этого несчастнаго мужа и отца, о мукахъ этой по- руганной дочери, и они вошли въ положеніе обвиняемыхъ, не могу- щихъ найти себѣ заработка, чтобы утолить голодъ и защититься отъ холода. Быть можетъ, утромъ, въ день засѣданія, нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось развернуть одну изъ большихъ распростра- ненныхъ газетъ и найти на *первой* ея страницѣ густую сѣть объявленій о всевозможныхъ увеселеніяхъ игриваго, порногра- фическаго свойства,—о рекламируемыхъ шинахъ и побѣдахъ роскошныхъ моторовъ,—о блестящихъ ресторанахъ съ оркестрами румынъ и дорогими ужинами послѣ театра, когда „шампанское блеститъ какъ золото и золото льется какъ шампанское“ и о другихъ приманкахъ для безпечальнаго и веселящагося Пе- тербурга, успѣвшаго выпить при встрѣчѣ 1913 года, по сообщенію газетъ, на 150 тысячъ рублей „шипучки“. — А на *четвертой* стра- ницѣ той же газеты пришлось встрѣтить иногда цѣлые столбцы съ извѣстіями о самоубійствахъ, совершаемыхъ по неизмѣн- нивакихъ средствъ къ существованію или по отвращенію къ проституціи, не только отдѣльными несчастливцами, но и груп- пами въ два и три человѣка... И они, быть можетъ, нашли, что при такомъ житейскомъ контрастѣ вернуть подсудимаго въ тюрьму,

гдѣ онъ уже не мало пробылъ и откуда онъ выйдет снова беззащитный противъ насущныхъ требованій существованія,— не удовлетворяетъ требованію ихъ совѣсти. „Это помилованіе“, справедливо замѣчаютъ прямолинейные юрсты: „на него присяжные не уполномочены, и оно можетъ послѣдовать лишь по ходатайству суда!“—Совершенно справедливо, но въ этомъ „можетъ“ и содержится невольный соблазнъ для присяжныхъ, которые—что такъ понятно—предпочитаютъ окончательное слово оправданія шаткой надеждѣ на то, что судъ рѣшится по каждому подобному дѣлу обременять Верховную власть своими ходатайствами о помилованіи или смягченіи наказанія. Не всякое преданіе суду обуславливаетъ собою осужденіе. Довольно часто оно значить: есть основаніе думать, что обвиняемый виновенъ, но разберите вы, т.-е. присяжные засѣдатели,—вы, которые увидите и услышите его и свидѣтелей непосредственно. На судѣ однообразная темная краска карательныхъ опредѣленій постепенно стирается и изъ подъ нея выступаютъ другіе, житейскіе образы. Предъ присяжными развертывается не одинъ преступный *эпизодъ* изъ жизни подсудимаго, но иногда *исторія* его жизни. Но исторія, по чудесному выраженію С. М. Соловьева (объ Иванѣ Грозномъ) подчасъ можетъ подмѣтить даже подъ мрачными чертами мучителя—скорбныя черты жертвы. Тѣмъ болѣе исторія обыкновеннаго человѣка, впаваго въ преступленіе, можетъ открыть въ его жизни стралицы, взывающія къ сострадательному пониманію „какъ дошелъ онъ до жизни такой“. Формальная справедливость не всегда равна истинному правосудію. „Qui n'est que juste—est cruel“, говорятъ французы, и Екатерина II была права, выразивъ ту же мысль словами: „Stricte justice n'est pas justice: justice est equité“. Можно ли, по этому, осуждать присяжныхъ за оправдательный приговоръ, когда предъ ними, на примѣръ, плачетъ и кланяется потерпѣвшая, прося простить „родимаго и кормилица дѣтей“ или когда старикъ-отецъ, носящій имя, неразрывно связанное со „священной памятью двѣнадцатаго года“, со слезами молитъ отпустить 16-лѣтняго сына, обвиняемаго въ кражѣ изъ передней калошъ и шапки и понавшаго въ дурную компанію подростковъ, обязуясь отправить его въ заграничный исправительный пріютъ? Поучительные примѣры приговоровъ, гдѣ житейская правда кладется въ основаніе справедливости приговора, представляетъ практика нѣкоторыхъ коронныхъ судей въ Франціи и Англій. Таковъ, на примѣръ, извѣстный *president Magnaud* въ Шато-Тьерри, которому населеніе присвоило

названіе „le bon Juge“ и рѣшенія котораго, въ высшей степени интересныя по своей мотивировкѣ, издавы въ двухъ томахъ. Исслѣдователь практическаго положенія англійскаго судопроизводства, Гекторъ Франсъ, приводитъ слѣдующій чрезвычайно характерный случай изъ практики одного изъ лондонскихъ городскихъ судей. Одинъ молодой человѣкъ похитилъ хлѣбъ изъ незапертой булочной въ минуту отсутствія изъ нея булочника. „Я былъ голоденъ, милордъ“—объяснялъ обвиняемый судѣ.— Законъ осуждаетъ за кражу какъ куска хлѣба, такъ и золотой цѣпи,—отвѣчалъ ему судья,—и не дѣлаетъ между этими предметами кражи никакого различія. Если бы я слѣдовалъ только указаніямъ закона, то осудилъ бы васъ. Но руководствуясь моею судейскою совѣстью, я васъ оправдываю“. Затѣмъ, не ограничиваясь оправданіемъ, судья чрезъ судебного пристава предложилъ имѣвшейся налицо публикѣ помочь молодому человѣку и тѣмъ самымъ избавить его отъ необходимости совершенія новой кражи. Обращаясь же къ булочнику, какъ обвинителю, судья сказалъ: „Изъ-за нѣсколькихъ пенсовъ вы не затруднились лишить свободы человѣка, несчастный видъ котораго, равно какъ свойство совершенной имъ кражи, должны были бы указать вамъ на крайнее состояніе, въ которомъ онъ находился. На основаніи стараго закона Королевы Елисаветы, карающаго всякаго лавочника за уходъ изъ незапертой лавки, я приговариваю васъ къ одному дню тюремнаго заключенія и къ денежной пенѣ“.

Для „общественнаго мнѣнія“ по дѣламъ *второй категоріи* далеко не всегда ясно, что причиной оправдательныхъ приговоровъ, вызывающихъ нареканіе на присяжныхъ, является во многихъ случаяхъ самое *веденіе судебного засѣданія*, которое не можетъ быть признано согласнымъ съ правильнымъ соотношеніемъ участвующихъ въ процессѣ силъ, равнодѣйствующую которыхъ должна представлять бдительная власть предсѣдателя. Дѣлая послѣдняго полнымъ распорядителемъ и распредѣлителемъ подлежащаго разсмотрѣнію на судѣ матеріала, законъ возлагаетъ на него, такъ сказать, синтезъ всего дѣла въ томъ руководящемъ напутствіи, за которымъ слѣдуетъ совѣщаніе присяжныхъ. Бываютъ однако—и при томъ въ наиболѣе сложныхъ и важныхъ процессахъ—случаи, когда матеріалъ располагается и подносится присяжнымъ въ такомъ видѣ, что засоряетъ ихъ память ненужными данными и отвлекаетъ ихъ вниманіе въ сторону отъ предстоящей имъ задачи, заставляя исслѣдовать не идущія къ дѣлу обстоятельства, а руководящее

напутствіе ничего въ этомъ сумбурѣ не исправляетъ или пытается исправить часто неумѣло и почти всегда запоздало. Утомленные присяжные, вниманіе которыхъ не напряжено въ одномъ направленіи, а издергано такими не идущими къ дѣлу отвлеченіями, уходятъ въ совѣщательную комнату подъ впечатлѣніемъ искусственно перемѣщеннаго центра тяжести дѣла, обращаясь изъ судей обвиняемаго въ судей потерпѣвшаго или какого-нибудь явленія въ общественной жизни или въ государственномъ строѣ. Въ первое десятилѣтіе послѣ судебной реформы подобныя явленія были рѣдки, но съ восьмидесятихъ годовъ они стали учащаться. Кассационное разсмотрѣніе большинства оправдательныхъ приговоровъ по выдающимся дѣламъ, вызывавшихъ грустное и тревожное недоумѣніе въ друзьяхъ суда присяжныхъ и ожесточенныя личныя и печатныя нападенія со стороны его недоброжелателей, раскрывало, что истинная причина не удовлетворяющаго чувства справедливости оправданія лежала не въ недомысліи, слѣпомъ произволѣ или тенденціозномъ направленіи присяжныхъ, а въ неправильномъ веденіи судебного засѣданія и въ нагроможденіи излишнихъ и чуждыхъ дѣлу данныхъ, которыми, какъ вредною корою, обрастало настоящее ядро дѣла. Въ этихъ случаяхъ бывало, впрочемъ, виновато не одно веденіе судебного засѣданія. Иногда недостатки или, вѣрнѣе излишества судебного слѣдствія вызывались неправильною дѣятельностью судебного слѣдователя и даже судебной палаты въ качествѣ обвинительной камеры. Происходило это отъ нарушенія предѣловъ изслѣдованія преступленія въ тѣхъ случаяхъ, когда недостаточное уясненіе себѣ состава преступленія и его необходимыхъ признаковъ заводило судебного слѣдователя на путь изслѣдованія такихъ обстоятельствъ, которыя для сужденія о чьей-либо виновности въ этомъ преступленіи значенія имѣть не могутъ и не должны, или когда усердіе не по разуму побуждало его къ неумѣстной любознательности о такихъ дѣйствіяхъ или событіяхъ въ жизни обвиняемаго или потерпѣвшаго, которыя никакого отношенія къ дѣлу не имѣютъ. Если въ этихъ случаяхъ прокуратура не удерживалась отъ соблазна воспользоваться увлеченіями слѣдователя для архитектурныхъ украшеній въ постройкѣ обвинительнаго акта, а судебная палата, по недосмотру или неполнотѣ доклада, такой актъ утверждала, то суду невольно приходилось имѣть дѣло съ данными, которыя могли повліять на присяжныхъ засѣдателей въ смыслѣ затемненія истинныхъ очертаній дѣла. Къ этому присоединялось еще и перегруженіе списка сви-

дѣтелей по ходатайству сторонъ и по требованію прокурора потому, что разрѣшенію вопроса о томъ, относятся ли нѣкоторые изъ нихъ къ дѣлу, судомъ не было удѣлено достаточнаго вниманія.

Нѣтъ сомнѣнія, что свѣдѣнія о поведеніи обвиняемаго, его занятіяхъ и образѣ жизни необходимы тамъ, гдѣ обвиненіе строится исключительно на однѣхъ уликахъ. Составителями Судебныхъ Уставовъ было высказано, что судомъ всегда судится не отдѣльный поступокъ подсудимаго, но его личность, насколько она проявилась въ извѣстномъ противозаконномъ поступкѣ. Ознакомленіе съ личностью подсудимаго въ значительной степени спасаетъ отъ судебной ошибки, которая одинаково возможна какъ въ случаяхъ осужденія только на основаніи свѣдѣній о дурномъ характерѣ подсудимаго, такъ и въ случаяхъ осужденія только на основаніи преступнаго факта, который можетъ быть слѣдствіемъ несчастнаго и рокового стеченія обстоятельствъ и противъ котораго громко вопіетъ вся безупречная и чуждая злу прошлая жизнь подсудимаго. Въ этомъ отношеніи свидѣтельскія показанія имѣютъ большое значеніе. Необходимо только, чтобы эти показанія дѣйствительно относились къ дѣлу, т.-е. чтобы ими разъяснялись такія стороны жизни обвиняемаго, въ коихъ выразились именно тѣ его свойства, которыми вызваны движущія побужденія его дѣянія или, наоборотъ, съ которыми его дѣяніе состоитъ въ прямомъ противорѣчій. Поэтому, напримѣръ, въ дѣлѣ московскаго нотариуса Назарова, обвинявшагося въ насильственномъ поруганіи цѣломудрія дѣвушки, — въ обстановкѣ, не допускающей постороннихъ свидѣтелей, — усложненномъ послѣдующимъ ея самоубійствомъ, допросъ свидѣтелей о той роли, которую играли въ жизни обвиняемаго чувственныя стремленія, и о его взглядѣ на характеръ своихъ отношеній къ женщинамъ вообще представлялся вполне умѣстнымъ. Но онъ являлся бы совершенно неумѣстнымъ тамъ, гдѣ отсутствуетъ связь между внутренними свойствами преступления и свѣдѣніями о личности обвиняемаго. Расточительность обвиняемаго, весьма важная, напримѣръ, въ дѣлахъ о банковыхъ хищеніяхъ, не имѣетъ никакого значенія въ дѣлахъ о богохуленіи, а вспыльчивость обвиняемаго, приобретающая серьезный смыслъ при обсужденіи убійства въ запыльчивости и раздраженіи, совершенно утрачиваетъ его при обвиненіи въ дѣланіи фальшивой монеты. Не надо забывать, что судъ, разсматривая преступное дѣяніе, осуждаетъ подсудимаго за тѣ стороны его личности, которыя выразились въ этомъ дѣяніи, а

не за всю его жизнь. Не будетъ ли такое изслѣдованіе *всей* жизни напоминать—*toute proportion gardée*— провинціального присяжнаго, который былъ замѣненъ запаснымъ послѣ того, какъ въ засѣданіи по дѣлу о покушеніи подсудимаго на изнасилованіе, онъ, возмущенный тѣмъ, что послѣдній упорно и растерянно молчитъ на вопросъ предсѣдателя: „чѣмъ вы занимаетесь?“ воскликнулъ съ негодованіемъ: „Николашка! что же ты молчишь? отвѣчай же! Скажи: кражами, ваше превосходительство!“

Мнѣ пришлось давать кассационныя заключенія по нѣсколькимъ громкимъ дѣламъ, гдѣ было допущено рѣзкое отступленіе отъ такого взгляда на предѣлы изслѣдованія. Типическимъ являлось дѣло Ольги Палемъ, обвиняемой въ убійствѣ студента Довнара, стремившагося прервать съ нею связь, препятствовавшую ему готовиться къ экзаменамъ. Здѣсь судебная палата утвердила обвинительный актъ, въ которомъ приведено мнѣніе убійцы о томъ, что убитый былъ человекъ безхарактерный, гаденькій и нахальный, пользовался ея деньгами, закладывалъ и присвоивалъ себѣ ея вещи, купленные на средства, полученные отъ прежняго ея сожителя, а затѣмъ подробно изложена провѣрка всего этого, предпринятая на предварительномъ слѣдствіи. При этой провѣркѣ прошлое самой обвиняемой изслѣдовано на пространствѣ двадцати лѣтъ, при чемъ произведенъ рядъ допросовъ, и оглашена переписка о принятіи Палемъ православія и объ отношеніяхъ ея къ родителямъ и крестному отцу, о ея предшествующихъ связяхъ, о хранящихся на текущемъ счету ея деньгахъ, о записяхъ пересылки ей денегъ въ 540 почтовыхъ книгахъ... Въмѣстѣ съ тѣмъ произведены обыскъ у одного изъ старыхъ сожителей Палемъ, жившихъ въ Одессѣ, и выемка его переписки и торговыхъ книгъ, съ производствомъ бухгалтерской экспертизы, въ явное нарушеніе устава торговаго, въ силу котораго такія книги составляютъ неприкосновенную коммерческую тайну и только въ случаѣ признанія несостоятельности торговца отбираются по опредѣленію суда. Нужно ли говорить, насколько такая одновременная травля подсудимой ея прошлымъ и опороченіе памяти потерпѣвшаго не имѣли никакого отношенія къ дѣлу. Такое же выворачиваніе наизнанку прошлой жизни подсудимой пришлось мнѣ встрѣтить въ дѣлѣ графини Н., обвинявшейся въ присвоеніи якобы рожденному ею ребенку непринадлежащихъ ему правъ состоянія, при чемъ слѣдователемъ были разсмотрѣны и описаны производства сыскной полиціи и допрошены указанные въ нихъ свидѣтели по обстоятельствамъ, ни-

какого отношенія къ обвиненію не имѣвшимъ, но бросавшимъ тѣнь на далекаго прошлаго на уже весьма немолодую женщину, сочувствіе напраснымъ страданіямъ которой на судѣ вызвало въ концѣ концовъ оправдательный приговоръ присяжныхъ засѣдателей. Еще болѣе ненормальны подобныя способы изслѣдованія по отношенію къ потерпѣвшимъ отъ преступленія, когда въ судебномъ засѣданіи,—вслѣдствіе увлеченія слѣдователя, неразборчивости прокурора и попустительства обвинительной камеры,—о немъ производится цѣлое слѣдствіе, при чемъ, присутствуя въ судебномъ засѣданіи, онъ лишенъ права отвода и допроса свидѣтелей и предъявленія присяжнымъ засѣдателямъ своихъ объясненій, если только не выступаетъ гражданскимъ истцомъ. При этомъ жизнь и личность его могутъ быть раскапываемы съ самой мелочной подробностью, точно дѣло идетъ исключительно о рѣшеніи вопроса, достоинъ ли онъ былъ постигшей его участи, какъ будто его житейское поведеніе можетъ изъять его изъ покровительства закона и по отношенію къ нему сдѣлать дозволеннымъ, по личному взгляду подсудимаго, то, что не дозволено и преступно по отношенію къ другимъ людямъ. Не слаще и положеніе свидѣтелей по дѣламъ, гдѣ слишкомъ развязные представители сторонъ и въ особенности—что печально отмѣтить—защиты позволяютъ себѣ на ихъ счетъ ироническія выходки, насмѣшливыя прозвища, унижительныя намеки и ставятъ ихъ въ щекотливое положеніе вопросами, вовсе не относящимися къ дѣлу, но возбуждающими въ публикѣ, пришедшей въ засѣданіе изъ празднаго любопытства, веселое настроеніе и неприличное хихиканіе. Конечно, предсѣдатель не можетъ устранить отъ показаній свидѣтеля, вызваннаго по списку при обвинительномъ актѣ или по постановленію суда, но форма производимаго допроса, но оцѣнка характера вопросовъ зависятъ вполне отъ него, и онъ не исполняетъ своей обязанности, если не пользуется полнотою власти и не пресѣкаетъ подобнаго злоупотребленія правомъ допроса въ самомъ его началѣ, не допуская глумленія надъ свидѣтелемъ и дерзкаго вторженія въ его личную жизнь.

Въ бытность мою предсѣдателемъ петербургскаго окружнаго суда мнѣ пришлось два раза рѣшительнымъ образомъ остановить попытку на подобный допросъ. Пріѣхавшая изъ провинціи дама, потерпѣвшая отъ кражи, въ которой обвинялась служанка гостиницы, объяснила, что вечеромъ, уѣзжая изъ своего номера, оставила въ комодѣ портфель съ крупной

суммой денегъ, а на утро обнаружила его исчезновеніе. „Мы позволимъ себѣ полюбопытствовать, гдѣ вы провели ночь?“, спросилъ защитникъ. „Свидѣтельница, — сказалъ я, — запрещаю вамъ отвѣчать на этотъ вопросъ, а васъ, г. защитникъ, предупреждаю, что при повтореніи подобныхъ вопросовъ, указывающихъ на непониманіе вами правъ и обязанностей вашего званія, я васъ удалю изъ залы засѣданія“! Въ другомъ случаѣ товарищъ прокурора, — въ общемъ весьма талантливый человекъ, — обвиняя въ засѣданіи по крупному процессу, предложилъ вопросъ, никоимъ образомъ не вытекавшій изъ существа дѣла, и отвѣтъ на который былъ бы сопряженъ для свидѣтельница съ унижающимъ ее признаніемъ. Я предложилъ ему не ожидать отвѣта на такой вопросъ, какъ не имѣющій никакого отношенія къ дѣлу, и объявилъ допросъ свидѣтельница исчерпаннымъ. Но при допросѣ одного изъ послѣдующихъ свидѣтелей представитель обвиненія предложилъ ему вопросъ, отвѣта на который онъ ожидалъ отъ свидѣтельница. Я долженъ былъ снова устранить этотъ вопросъ и на обиженное заявленіе обвинителя, что судъ преграждаетъ ему путь къ изслѣдованію истины въ дѣлѣ, сказалъ ему: „судъ предоставляетъ вамъ для этого всѣ законные пути, кромѣ избраннаго вами, и при неподчиненіи вашему слѣланному мною уже однажды указанію я буду вынужденъ, къ прискорбію, прервать засѣданіе и просить ваше начальство о командированіи другого лица прокурорскаго надзора въ составъ присутствія по настоящему дѣлу“. Разительный примѣръ невольнаго обращенія со свидѣтелями при допросѣ, а также явки въ судъ свидѣтелей, показанія которыхъ, почерпнутыя изъ области безшабашнаго кутежа и прожиганія жизни съ забвеніемъ элементарныхъ нравственныхъ условій общежитія, отодвинули на задній планъ существо дѣла — представляетъ недавнее дѣло въ московскомъ окружномъ судѣ по обвиненію Прасолова въ предумышленномъ убійствѣ жены. Свидѣтелямъ предлагались вопросы, унижавшіе ихъ самихъ въ предосудительномъ поведеніи; одного изъ нихъ, напримѣръ, спрашивали, что помѣшало ему вступить въ связь съ убитой — собственное нежеланіе или ея добродѣтель? — въ рѣчахъ защиты указывалось, что съ такими господами, какъ одинъ изъ свидѣтелей, на дуэли не дерутся, а извѣстнаго артиста-пѣвца называли „кумиромъ безмозглыхъ дѣвицъ“. Все это создало вокругъ дѣла нездоровую атмосферу и въ сущности обратилось не столько въ производство о совершенно ясномъ событіи преступленія, сколько въ безапелляціонный судъ надъ убитой, давшій основательный по-

водъ прокурору сказать: „я не знаю, чѣмъ руководились тѣ свидѣтели, которые приходили сюда съ утомленными, блѣдными лицами и безъ краски стыда бросали здѣсь комьями грязи въ могилу покойной, въ которую отсюда ринулся бурный и грязный потокъ“. Сенатъ еще въ 1892 году высказалъ, что „условія современнаго судопроизводства не таковы, чтобы свидѣтели выходили изъ суда нравственно измятыми, такъ какъ судъ долженъ быть святилищемъ осуществленія правды и справедливости, а не поворищемъ, гдѣ могла бы проявляться разнузданность нравовъ“. Надо замѣтить, что эта разнузданность можетъ, помимо искаженія отправленія правосудія, вызывать и тяжкую реакцію, чему доказательствомъ служитъ кулачная расправа въ зданіи петербургскаго суда покойнаго писателя Всеволода Крестовскаго съ оскорбившимъ его въ своей рѣчи присяжнымъ повѣреннымъ, человекомъ въ общемъ весьма достойнымъ, но забывшимъ въ данномъ случаѣ слова Пушкина: „блаженъ, кто словомъ твердо правитъ и держитъ мысль на привязи своей“.

Въ обвинительной формѣ процесса несомнѣнную роль играютъ *судебныя пренія*. Я уже говорилъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ и замѣткахъ судебнаго дѣятеля“ о тѣхъ условіяхъ, которыми должны удовлетворять рѣчи обвинителя, гражданскаго истца и защитника. Сенатомъ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ было твердо установлено, что поводомъ для отмѣны приговора могутъ служить пренія, въ которыхъ нарушены статьи закона, опредѣляющія необходимыя требованія о содержаніи рѣчей сторонъ. Сенатъ требовалъ, чтобы эти пренія были ведены съ достоинствомъ, спокойствіемъ и правильностью, которая необходима для того, чтобы присяжные могли приступить къ разсмотрѣнію дѣла безъ всякаго увлеченія къ обвиненію или оправданію подсудимаго. Не разъ приходилось на этомъ основаніи отмѣнять рѣшенія присяжныхъ. На представителяхъ сторонъ въ судѣ вообще, а на судѣ присяжныхъ въ особенности, лежитъ нравственная обязанность охранять судъ отъ искаженія его исключительной—и достаточно высокой, чтобы быть исключительной—цѣли: служить отправленію уголовнаго правосудія. Исполненіе этой обязанности особенно важно по отношенію къ присяжнымъ засѣдателямъ, для которыхъ судебныя рѣчи не представляютъ, какъ для судей коронныхъ, обычнаго и привычнаго, въ теченіе многихъ лѣтъ, явленія и передъ которыми блестящая и энергическая оболочка оказаннаго можетъ, при неблагоприятномъ стеченіи обстоятельствъ и бездѣйствіи предѣ-

дателя, заслонить нездоровое существо сказаннаго. Это случается, напимѣръ, при извращеніи уголовной перспективы; благодаря которому въ искусственно подогрѣтой рѣчи почти совершенно исчезаетъ обвиняемый и дурное дѣло, имъ совершенное, а на скамьѣ подсудимыхъ оказываются отвлеченные подсудимые, не подлежащіе карѣ закона и называемые обыкновенно „средю“, „порядкомъ вещей“, „темпераментомъ“, „страстью“, „увлеченіемъ“, а иногда и сами потерпѣвшіе, забывшіе пословицу: „не кладя плохо, не вводи вора во грѣхъ“. Таково возбужденіе въ присяжныхъ — преимущественно со стороны обвинителей — племенной вражды или религіозной нетерпимости: застилающихъ передъ ихъ глазами истинныя очертанія разбирающагося дѣла. Таковы указанія присяжнымъ на вредъ, могущій послѣдовать отъ оправдательнаго приговора; — умышленная односторонность въ освѣщеніи преступной стороны дѣла съ цѣлью возбудить въ судьяхъ ту нездоровую чувствительность въ отношеніи къ подсудимому, которая не имѣетъ ничего общаго ни съ дѣятельною любовью къ людямъ, ни съ христіанскимъ милосердіемъ; — таковы язвительныя насмѣшки и неумѣстная иронія по адресу противника и, наконецъ, истолкованіе задачи присяжныхъ, а также значенія и цѣли закона въ смѣслѣ, противорѣчащемъ общественному порядку и намѣреніямъ законодателя. Все это не можетъ не имѣть вліянія на присяжныхъ и не отражаться въ ихъ рѣшеніи. Не надо забывать, что присяжный засѣдатель, вырванный изъ обыденной обстановки въ торжественную, непривычную обстановку судебного засѣданія, не можетъ быть такъ мало впечатлителенъ, какъ „дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый“, и что тяжкій млатъ обвиненія въ устахъ представителя государственной власти — прокурора — и паёсь защитника не могутъ не оставлять слѣда въ его душѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда предсѣдатель не исполняетъ или не умѣетъ исполнить свою обязанность устранять „девіаціи“ сторонъ. Нужно помнить, что присяжные засѣдатели представляютъ собой воспріимчивый организмъ. Превратное толкованіе имъ общихъ вопросовъ права или извращеніе передъ ними закона, оставленное безъ авторитетнаго опроверженія, можетъ быть принято ими съ тѣмъ довѣріемъ, которое всегда невольно внушаетъ къ себѣ энергичное слово, и можетъ пустить въ ихъ взглядѣ на дѣло неправильныя корни и вредныя ростки. Въ моей судебной практикѣ было много случаевъ познакомиться съ нарушеніями подобнаго рода. Приводить ихъ здѣсь не стану. Напомню лишь о громкихъ процессахъ, бывшихъ въ Москвѣ. Въ одномъ изъ

нихъ прокуроръ заявлялъ о „непотребныхъ мысляхъ и противобожескихъ теоріяхъ“ защитника, а защитникъ называлъ рѣчь прокурора тѣмъ, „что ежедневно выметаегся изъ каждой мало мальски опрятной комнаты“, удивляясь особенностямъ „мыслительнаго его аппарата“,—а въ другомъ, по дѣлу о кражѣ почтовыми чиновниками постъ-пакета на 120 тысячъ рублей, отправленнаго изъ Германіи, защитникъ приглашалъ присяжныхъ подняться на высоту государственныхъ интересовъ и на нѣмецкія ввозныя пошлины съ хлѣба отвѣтить оправданіемъ сознавшихся подсудимыхъ, введенныхъ потерпѣвшими въ соблазнъ вопреки Евангельскому изреченію: „горе міру отъ соблазна, но двойное горе тому, кто внесетъ соблазнъ въ міръ“. Въ другомъ процессѣ—по дѣлу о присвоеніи и растратѣ казначеемъ воспитательнаго дома и его сыномъ 307 тысячъ рублей—защитой проводился взглядъ, что истинная причина этого хищенія, названнаго „грустной драмой“, заключается въ „холодномъ и бездеремонномъ отношеніи начальства къ казеннымъ деньгамъ, благодаря которому въ рукахъ казначея оказалась такая большая сумма“, и испрашивался у присяжныхъ оправдательный приговоръ на томъ безнравственномъ основаніи, что „если похищенные 300.000 рублей причинили ущербъ казнѣ, которая возмѣстила его со всѣхъ гражданъ Россіи, то каждому пришлось внести такъ мало, что изъ-за этого говорить не стоитъ, а тѣмъ болѣе обвинять подсудимыхъ“. Въ четвертомъ же очень недавнемъ процессѣ обвинителю, въ отчетѣ о засѣданіи, приписываются—указаніе на то, что облитіе сѣрной кислотой мужа, хотя и является слишкомъ специфической местию женщины, но местию понятной,—и сожалѣніе о томъ, что мужъ для защиты своей чести не прибѣгнулъ по отношенію къ предполагаемому любовнику жены къ пистолету и клинку. Находя, что вся Москва ждетъ обвинительнаго приговора, „какъ благовѣста“, прокуроръ заявлялъ присяжнымъ, что когда такой приговоръ состоится, то онъ въ темную ночь пойдетъ возвѣстить о немъ на далекую могилу потерпѣвшей, подъ дождемъ и подъ развѣвающимъ его волосы вѣтромъ. Сюда же, для примѣра, можно отнести жалобу обвинителя въ его отвѣтной рѣчи защитнику на то, что послѣдній „топчется грязными сапогами въ его сердце“ или—заявленіе другого, что подсудимая „плачетъ по данному ей росписанію“.

Я говорилъ уже выше о равнодушномъ, а подчасъ и злорадномъ отношеніи къ суду присяжныхъ со стороны лицъ и учреждений, отъ которыхъ зависѣлъ починъ законодательныхъ

мѣръ къ устраненію препятствій для правильнаго дѣйствія этого суда. Съ грустью приходится сознаться, что часто и со стороны людей, призванныхъ вмѣстѣ съ присяжными служить дѣлу правосудія, проявлялось полное отсутствіе заботы о немъ. Успѣхъ обвинительной рѣчи или оправдательный приговоръ, добытые словесными неправдами, ставились въ этомъ случаѣ единой и желанной цѣлью, хотя-бы ихъ приходилось достигнуть, подвергая судъ присяжныхъ рѣзкимъ нападкамъ и нареканіямъ. Въ этихъ, къ сожалѣнію, нерѣдкихъ случаяхъ, выражаясь словами одного изъ стихотвореній Некрасова, судъ присяжныхъ „любящей рукой не былъ ни охраненъ, ни обезпеченъ“. Наоборотъ, можно указать случаи, когда на *оправдательный приговоръ*, находившій отголосокъ и въ сердцахъ коронныхъ судей, участвовавшихъ въ засѣданіи и вполнѣ удовлетворенныхъ имъ, приносился кассационный протестъ съ указаніемъ на то, что присяжные не поняли своей обязанности или противозаконно присвоили себѣ право помилованія. По поводу *обвинительнаго приговора*, покаравшаго справедливымъ и мудрымъ словомъ осужденія притѣснителя слабыхъ, развратителя невинныхъ, расхитителя чужихъ трудовыхъ сбереженій или увѣреннаго въ своей безнаказанности изверга, въ стѣнахъ кассационнаго суда широко оплаченное ораторское слово прозрачно намекало иногда на неразвитость, неспособность и тупоуміе присяжныхъ засѣдателей. Нельзя отрѣшиться отъ тревоги за правосудіе вообще при тѣхъ участившихся за послѣдніе годы случаяхъ, когда личность обвиняемаго съ одной стороны и его дѣйствительные интересы съ другой, а также огражденіе присяжныхъ засѣдателей отъ могущихъ отразиться на достоинствѣ ихъ приговора увлеченій приносятся въ жертву эгонстическому желанію возбудить шумное и не безвыгодное въ разныхъ смыслахъ вниманіе къ *своему* имени, при чемъ дѣлается попытка и человека, а иногда и цѣлое учрежденіе обратить въ средство для личныхъ цѣлей, чуждыхъ правосудію.

А. Ө. Коин.

Октябрь 1913.

(Продолженіе слѣдуетъ).

